

гие статьи, «среди которых даже мошенничество и пропаганда вражеской идеологии и буржуазной псевдонауки» (с. 368).

Благородные, воспитанные люди, настоящие ценители жизни, пожертвовали всем, чтобы хоть кто-то один из них остался в живых. Сбежав из «лагеря смерти» и сумев раздобыть один фальшивый паспорт на имя Якова Литовченко (документ куплен за большой алмаз у продажного охранника), трое друзей по несчастью чудом выбрались на волю. Впереди ждали преследования, множество разных бед, но они пытались дальше жить и бороться.

В романе И. Билыка это сошлось узлом как борьба за жизнь Максима Нетребы. Нетреба думал, что никому не нужен. Но ведь Яков Литовченко и Кастусь Матусевич пожертвовали собой ради его жизни! И даже преследующий беглецов-каторжан Цыпленочек – один из лагерных контролеров, не смог сломить честную человеческую волю. Философская суть «коллизии жизней» стала для Якова, Кастуся и Максима реальностью. Вера и жертвенность двоих спасла жизнь третьему.

История сохранила факты биографии многих представителей украинской интеллигенции, погибших за национальную идею при попытке культурного просвещения масс. Своей смертью эти люди бросили вызов системе, вдохновив тех, кто остался в живых, не останавливаясь на полдороге, идти к светлой цели. На пути «максимов нетреб» к свободе часто появляются различного рода препятствия, но нужно не сдаваться.

Таким образом, творческий вымысел и типизация создают художественную канву романа-истории «Яр». Определить четкие границы функционирования исторической реальности / вымысла, в особенности при прорисовке характеров персонажей, различных по жизненному статусу и положению в обществе, не всегда просто. Герои имеют реальных прототипов и призваны отобразить историческую правду, поведать о событиях, которые были «под печатью неразглашения».

В романе «Яр» философски глубоко раскрыта жизненная суть определенного типа людей – «нетреб», которые зачастую одиноки на своем пути и живут в сложной коллизии с самой жизнью. Исторические романы Ивана Билыка служат духовному и моральному самовоспитанию читателей, а вымысел в его произведениях тесно соприкасается с реальностью, что может расцениваться как художественный историзм.

Литература

1. Билык И. И. Яр: роман. Київ, 2011. С. 38. Здесь и далее цитаты приводятся по этому изд., номера страниц указываются в скобках. Пер. с укр. яз. сделан автором статьи.
2. Гегель Г.-В.-Ф. Эстетика: в 4 т. Т. 1. М., 1968. С. 213.
3. Потапенко С. Н. Природа конфликта в драматургии И. С. Тургенева: дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 2002. URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/po/ta/pen/ko/4.htm>

Z. V. ARTYUSHENKO. INVENTION OR REALITY OF LIFE COLLISIONS? (On I. Bilyk's novel «The Ravine»)

The author of the article analyzes the combination of historical underlying causes and artistic fiction in I. Bilyk's novel «The Ravine».

Key words: I. Bilyk's novels, invention, typification, historical reality.

В. С. ШУТЁМОВА

ЮМОР КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОЙ ПОЗИЦИИ В СКАЗКАХ А. КАБАКОВА И Л. ПЕТРУШЕВСКОЙ

Статья посвящена исследованию разновидностей юмора в современной русской литературной сказке.

Ключевые слова: современная литературная сказка, гротеск, ирония, сатира, «философия абсурда», комический пафос.

Юмор помогает отразить мировоззрение писателя. Использование современными авторами таких приемов, как ирония, сатира, гротеск, – частотное явление. То, что жанр литературной сказки не является исключением из этого правила, подтверждают произведения Л. С. Петрушевской и А. А. Кабакова. Выбор названных авторов обусловлен тем, что в их произведениях юмор – в разных его проявлениях – играет ключевую роль в формировании мира сказки.

Необходимо также отметить использование такой ситуации, когда автор дает «абсурдистское»

название своему произведению. Примером могут служить названия сказок Петрушевской «Золотая тряпка», «Королева Лир» и т. п. «Философия абсурда» служит для разнообразных целей: писатель таким образом подчеркивает ирреальность происходящего (что не следует смешивать с «эстетикой чуда» в сказке, так как это совершенно различные приемы), высмеивает действительность, акцентирует внимание читателя на отдельных моментах.

В произведениях А. А. Кабакова переплетены элементы сказки, легенды, мифа. Например, в «Летучем Голландце» образ «серого автомобиля»

с призрачной командой внутри явно отсылает читателя не только к «Легенде о летучем голландце», но и к «Серому автомобилю» А. Грина. В гриновском рассказе таинственный автомобиль, преследующий главного героя, появляется и исчезает из ниоткуда, служит знаком «нереальности», другого мира. Но если у Грина действие происходит в фантастическом пространстве, то у Кабакова – вполне реальная и будничная действительность (по крайней мере, на первый взгляд), в которую вводятся элементы фантастики.

Важными элементами являются авторский комментарий, а также использование «сниженной» лексики. С помощью злой иронии и черного юмора писатель создает картину мира, в котором «правят бал» материальные блага: практически никто из персонажей не задумывается о духовно-нравственных ценностях. В «Бабилоне» одновременно высмеиваются человеческая гордыня и всевозможные «оригинальные» проекты, но это горькая насмешка: «Неба мы не нашли, а землю потеряли» [1].

В «Ходоке» Кабаков, кроме черного юмора, использует приемы, отсылающие читателя к «Каменному гостю». Это и имена героинь – Аня и Лаура, и особое стихотворное построение ряда фрагментов текста, и возмездие (правда, наступающее героя по телефону), и заключительный комментарий: «В общем, не будем продолжать, все ясно. Тип этот давно описан так, как мы и не замечаем, только робко обозначаем – периодически размещая текст столбиком – наше знакомство с источниками» [2]. Автор намеренно, с явным оттенком презрительной иронии, дает персонажам не полные, а уменьшительно-ласкательные имена: Тима, Анечка, Олечка, Володичка.

«Московские сказки» продолжают сатирические традиции Салтыкова-Щедрина: гиперболизация человеческих пороков, использование «говорящих» имен и фамилий. Для автора нет ограничений в форме (зарисовка, притча и т. д.), в стилистике (речь простоватого рассказчика перемежается с «высоким штилем» лиричных описаний Москвы), в хронологии. Объединяет цикл не столько даже Москва (район Брюханово), сколько новая жизнь, символом и центром которой является столица. И эта жизнь малосимпатична, не обременена моральными установками. Выросли не только масштабы – все стало неоднозначнее и сложнее. Слишком жестока кара за прегрешение (убитый Охотниками Волк вызывает сочувствие, а Красная Шапочка сживает со света старушку-алкоголичку, чтобы завладеть ее хоромами). В сказках присутствует ностальгия по прежней жизни («Ушло, все ушло. Была ясная, как прохладное августовское небо, жизнь» [3]) и обвинение всем. Где выход? Что же: все плохо, все виноваты, бежать из Москвы и России? Однако жизнь не делится на белое и черное, отделить одно от другого просто невозможно («Но это дом твой, и домашние твои, сюда приводит дорога, в какую бы сторону она не вела» [4]).

Все произведения объединяет тема побега – неважно от чего – от судьбы, от обстоятельств, от

друзей и врагов. По словам критика А. Чанцева, автор отвергает то неизвестное будущее, ту новую и непостижимую действительность, «где нет нам с вами места и времени». В предисловии к сборнику повестей 2001 года А. Кабаков признавался: «Практически все, что написал, посвящено, по сути, только одному человеческому действию: бегству» [5]. Реалистическое в этом сборнике соседствует с абсурдным, одним из мотивов «сказкосочинительства» выступает побег из уютной действительности в более уютную выдуманную реальность, что характерно и для многих других современных писателей.

В отличие от сказок А. А. Кабакова, произведения Л. С. Петрушевской являются более жизнеутверждающими – такова философия автора, отражающая иной, более позитивный взгляд на мир. Их можно назвать философско-сатирическими, абсурдно-философскими. В основе сюжета – волшебные и сатирические сказки, сказки о животных; кроме того, как и у Кабакова, имеются «перелицовки» мифа («Елена Прекрасная») и классических произведений («Королева Лир»).

Отметим, что авторская ирония очень часто грустна, Людмила Петрушевская сопереживает своим героям. В отличие от мира произведений Кабакова, в этом сказочном мире живы надежда на лучшее, вера в чудо, любовь и милосердие; возмужен традиционный «счастливый конец».

К примеру, финал сказки «Новые приключения Елены Прекрасной» походит на идиллию, хотя герои должны стать невидимыми: «Возможно, они живут вдвоем где-нибудь в императорском дворце на острове, не видимые никому, путешествуют на самолетах, плавают на кораблях, счастливые, веселые, и никто не зарабатывает на них денег, не подкарауливает с камерой, никто их не похищает, не стреляет по ним, не устраивает из-за них войн» [6].

Практически во все сказки, как и у А. А. Кабакова, включены различные комментарии-отступления (обращение автора к читателю, нравственно-философские размышления о современной жизни), являющиеся средством выражения авторской позиции. В «Новых приключениях Елены Прекрасной» находим: «Причем волшебник никак не помог бедной дурочке. Волшебник – не благотворительная организация и не Красный Крест, чтобы немедленно приходить на помощь. Он не занимается мелочами. Пусть эти люди сами себя отпевают, считал он. Дурочка тоже была не слабого десятка и неоднократно колотила свою старую тетку, жившую напротив, и никто не вмешивался» [7]. Часто комментарии носят характер злой иронии: «Как правило, у таких невозможно прелестных красавиц один путь спасения – побыстрее спиться и потерять всю свою красоту или пойти в артистки с тем же результатом» [8].

Система ценностей автора воплощается как пафос, у Петрушевской – нередко сатирический либо иронический. Цикл «Дикие животные» выдержан в ироническом, пародийном ключе: «Однажды улитка Герасим, начитавшись художественной литературы, повел на веревке

амебу Рахиль по прозвищу Муму топить в пруд, так как Рахиль по собственной инициативе очень привязалась к Герасиму, жила в его доме в конуре и ночами выла, якобы сторожа дом, а на самом деле просто на луну» («Двойная литературная история») [9]. Другая сказка – «Klava Karenin», пародия на роман Льва Толстого (в намеренно сниженном, «обывательском» варианте) и острая насмешка над псевдонаучными штудиями и псевдолитературой: «Благодаря этим поискам и находкам обычно ленивый плотва Вова, вдохновленный собственной семейной трагедией, выпустил за рубежом книгу “Толстая и Толстой”, а затем опубликовал также одноименную пьесу, которую леопард Эдуард мечтает поставить в реальных условиях пруда» [10]. Авторская лексика может быть нарочито сниженной, что также придает сатирический оттенок: «шлялся», «надыбал», «чешет».

Традиционные волшебные предметы интерпретируются с ироническим оттенком: сухая хлебная корочка, в которой содержатся магические знания, волшебная ручка, золотая тряпка.

Авторская позиция, вероятно всего, заключается в утверждении того, насколько абсурден наш собственный мир, а мир сказки в данном случае является более правильным (отношение к людям, всему живому в мире; сохраненные духовно-нравственные ценности). Это и отличает сказки

Л. Петрушевской от сказок А. Кабакова, где «философия абсурда», гротеск обличают современную жизнь под видом некоей вымышленной «ирреальности», которая хуже, чем действительность.

Подводя итог, отметим, что ирония, сатира, гротеск присутствуют далеко не во всех современных литературных сказках, что, несомненно, зависит от задач, которые ставит перед собой писатель, а также от характера его произведений. Однако, высмеивая бездуховность общества и различные его пороки, юмор помогает задуматься об истинном смысле существования человека, об истинных ценностях.

Литература

1. Кабаков А. А. Московские сказки // URL: <http://www.litmir.net/bd/?b=12826/>
2. Там же.
3. Чанцев А. Агасфер возвращается URL: <http://magazines.russ.ru/october/2005/9/cha10.html>
4. Кабаков А. А. Московские сказки...
5. Цит по: Чанцев А. Агасфер возвращается...
6. Петрушевская Л. С. Настоящие сказки. М., 1999. С. 9.
7. Там же. С. 10.
8. Там же. С. 18.
9. Петрушевская Л. С. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5. Харьков; М., 1996. С. 28.
10. Там же. С. 183–184.

V. S. SHUTIOMOVA. HUMOUR AS A MEANS OF THE AUTHOR'S POSITION EXPRESSION IN FAIRY TALES BY A. KABAKOV AND L. PETRUSHEVSKAYA

This article is dedicated to the study of variety of humour in a modern Russian literary fairy tale.

Key words: *modern literary fairy tale, grotesque, irony, satire, «philosophy of the absurd», comic pathos.*

Д. Ж. БАЛКАРОВА

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФИЛОСОФСКОГО РОМАНА МАДИНЫ ХАКУАШЕВОЙ «ДОРОГА ДОМОЙ»

Автор статьи анализирует формально-содержательную структуру философского романа М. Хакуашевой.

Ключевые слова: *проза М. Хакуашевой, жанр философского романа, композиция, художественная форма.*

«Дорогу домой» М. Хакуашевой можно отнести к серьезной романистике. В произведении явственно выявляются «корни» философского романа с такими его «жанровыми предками», как философская риторика, моралистическая проза XVII века [1] и жанр сказки, в котором за динамикой отношений между персонажами стоит определенное моральное назидание. Все эти жанровые компоненты растворены в едином сюжетном повествовании.

Роман написан как автобиография героя-рассказчика. Автобиографическая форма принимает вид правдивого рассказа о непосредственно пережитом. Но это исповедальное повествование – не для обрисовки индивидуальной истории жизни, а для показа несовершенств мира, разрушения иллюзий. Оно является как бы зеркалом, в котором

мир видит себя без прикрас. Картина, создаваемая художником, кажется вполне жизнеподобной и вместе с тем вплоть до мелочей насыщена деталями, выстраивающими интеллектуальный подтекст.

Писательница позволила себе присоединить к роману философию, политику и мораль, связав все это таинственной незаметной цепью (таким образом, сам автор указывает на особую связь между всеми пластами содержания). Предварительно определим «Дорогу домой» как тип романа, элементы содержательно-формальной структуры которого служат проведению единого задания, созданию специфического целого – философской идеи, вернее, комплексу просветительских идей относительного разрушения старых основ и обновления принципов морали, права, политики, социального устройства.